

– Кто разложил на подоконнике портянки, а? Тут что, баня вам или солдатская столовая? – кивнул усатый капитан на сохнувшее на подоконнике бельё.

Солдаты из автороты в бывшем храме Иоанна Предтечи, превращённом в столовую, кто с ложкой овсянки в руках, кто с набитым кашей ртом, рассмеялись на эти слова дружно.

– Да, чистые они, ужотко постирал! – весело крикнул молодой солдатик.

– Чистые не чистые, а в столовой нечего бельё раскладывать! Ну-ка убрать! – грозно приказал капитан.

Молодой солдат быстро дожевал, давясь кашу, встал и убрал с подоконника портянки, рассовал их в карманы штанов.

– Ох, если бы столовая, если бы баня, – мечтательно сказал старый солдат Тимофеич.

– Как? – не понял капитан.

– А всё в этой жизни, товарищ капитан, временно. Вот война была, да два года уж нет. Да и здесь столовая временно, – ответил старый солдат и добавил: – Всё вернётся на круги своя.

Капитан покашлял в кулак, разгладил усы, оглядел фрески на стенах.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он. – Что вернётся?

Тимофеич ничего не ответил и продолжил есть кашу.

Снова начали подниматься эхом под купол стуки алюминиевых ложек, чашек, чавканье.

Капитан уже забыл, зачем зашёл к солдатам, повернулся было уйти, но потом вспомнил:

– С вашими портянками этими временными всё забыл, зачем пришёл! – сказал нахмуясь. – Вот вы едите здесь и не знаете ничего, – обратился ко всем загадочно.

Наступила тишина.

– Да вы ешьте, ешьте, – немного смутился тишине капитан. – Я с одним делом пришёл. А дело-то в том, что под вами... – показал пальцем вниз.

– Ад? – тут же нашёлся молоденький солдатик.

Капитан опять погладил усы, насупился и сказал:

– Ад-то ежели и есть, то ниже находится, а между ним и вами – склеп!

– Склеп, склеп, – зашушукали бойцы.

– Это мне дед тутошний из домов местных рассказал, – сказал капитан. – Что бывших господ Баташовых хоронили здесь под церковью.

Зашумели бойцы, обсуждать стали меж собой. А кто-то громко сказал:

– То-то я видел, как ребятишки черепом футбол гоняли!

И снова тишина воцарилась в храме.

– Эх-ха, вот не знали, и спокойней было б, – жевал кашу пожилой солдат Тимофеич, – а таперича и думай тут про ентот клеп.

Капитан сильно закашлял.

– Не знали – это ничего не значит, – еле выговорил он. И уже отдышавшись, тихим голосом, словно боясь, что его услышат за стенами, а может, и под полом, сказал: – В общем, надо нам куда-то припасы складывать, картошку-моркошку, а там, я заглянул, как раз подходящее место, не жарко. Так что пока не приказываю, а прошу: кто полезет склеп очищать? Каждому по сто пятьдесят и день отдыха.

– Ужо пузо набили! – кто-то крикнул.

– Ничего, сто пятьдесят не пуд, – ответил капитан.

– Чего по сто пятьдесят, по стакану уж! – крикнули.

– Я что, винзавод, что ли? Литровину первача ставлю, сами разберётесь. Ну, кто смелый?

– Я! – выпалил молодой солдат.

– Я! И я полезу, – согласились несколько бойцов.

– Надо сейчас, пока не доели, – намекнули на выпивку.

– На сиденье в грузовике возьмите, – радостно сказал капитан, – как позавтракаете, я жду всех на воле.

Капитан ушёл, молодой солдатик убежал к машине, а все бойцы стали молча, стараясь не греметь посудой, доедать свой завтрак, как будто прислушиваясь к тому, что в подполе творится. Но постепенно скрежет ложек, стук об пол кривых скамеек и разговоры стали громче.

– Я вот как думаю, – громко сказал Тимофеич, – что у товарищца капитана есть другая причина вытащить этих баринов.

– Какая? – спросил его прибежавший и уже разливающий в стаканы молодой.

Пожилой солдат помолчал немного, настраивая внимание бойцов, и ещё громче сказал:

– Брильянты!

– Бриллианты, бриллианты, – заговорили за всеми столами.

– Вот так, – сказал Тимофеич, дожёвывая кусок хлеба и отправляя в рот последнюю ложку каши. – В один час погибнет всё богатство земное.

Все солдаты притихли, перестали жевать и греметь посудой, прислушиваясь к странным словам старого солдата. Но он только спокойно отёр куском хлеба чашку и отправил его в рот.

– Чего? – вдруг спросил молодой солдат за всех.

– А? – очнулся от миски Тимофеич. – А! – как вспомнил. – Я говорю, придёт время, когда един Ангель возьмёт камень, подобный большому жернову, и повергнет в море, – Тимофеич бросил ложку в кашу. – Вот

так же будет повержен великий град Вавилон. Вот. Со всем его золотом, жемчугом и драгоценными камнями...

Вскоре подогнали грузовик к правой стене храма, к склепу, и несколько солдат зашли туда внутрь.

Дюжина детей выбежала на перемену из соседней школы номер пять и увидели копошение возле храма.

– Шкелет оттуда вылезет? – боязливо спросила второклассница Рима у старших детей.

– Ага, вылезет и съест тебя, – отвечали ей дети.

А Вовка-дурак, как услышал о скелете, начал его изображать под детский хохот, поднял руки вверх, зарычал, заходил по кругу.

Изнутри раздавались стуки кувалды по кладке, потом они стихли, и из склепа вылезли солдаты с хорошо сохранившимся гробом из золотистой парчи с чёрным матерчатым восьмиконечным крестом на крышке. Гроб поставили на траву, осмотрели, где гвозди прибиты и начали открывать. С крышкой справились быстро, открыли гроб, открылась пожелтевшая простынь. Вот её сняли с покойника – обтянутого ссохшейся чёрной кожей с белыми длинными волосами. Костюм его и туфли были как новые.

Пахнуло чем-то таким, что Рима сравнила с погребом, где картошка хранится. А молодому солдату и вид этого покойника, и запах навевали мысли о тленности старого ненавистного мира, в котором смешались и помещики из учебников истории, и мировая буржуазия, и фашизм, который победили недавно. И о скором прекрасном пахнущем духами «Красная Москва» времени коммунизма. Там, помечтал он мимолётом, учёные создадут напиток бессмертия, не будет смертей, все будут молоды и красивы. А не такие уродливые покойники, какие производил тот прогнивший барский мир. И он, здоровый юный боец, завсегда в этом мире останется таким молодым и красивым, и все девки в его деревне останутся юными. И всю эту коммунистическую вечность он будет ходить с ними в пахнущую берёзовыми вениками и хвойным мылом баню. А потом, пьяные и весёлые, будут возле его дома петь песни под гармошку. И это будет всегда, это будет вечно. Не будет болезней, старости и смерти, только раздольная жизнь под красными знамёнами с портретами Ленина и Сталина...

Капитан подошёл ближе, брезгливо полазил руками в гробу, зачем-то пощупал покойника, нашёл в кармане пиджака какую-то штукуну, разглядел её мельком и, недовольно что-то бурча по нос, положил в карман голенищ.

Потом отошёл от гроба и скомандовал солдатам:

– Взяли – понесли!

Четверо солдат легко, но бережно – как бы не развалился – подняли гроб и понесли к грузовику.

Тут Вовка-дурак поднял камень и бросил в гроб. Промазал.

Кто-то из детей тоже бросил, потом уже все дети начали бросать в покойника, кто попадая в него, кто – в ругающихся солдат. Только маленькой Риме не достался камень, все близкие большие камни дети быстро схватили. Рима искала подходящий камень и вот, кажется, нашла, но опять не то – сухая коровья лепёшка. Бросила её, руку о платье отёрла. Потом побежала к обочине, нашла несколько камней и подбежала опять к ребятам. Один камень оставила, остальные рядом положила. Замахнулась обеими маленькими ручками и хотела бросить, но кто-то сзади нежно взял её за руки.

– Камень преткновения и камень соблазна, – улыбаясь, сказал Тимофеич. – Давай-ка выбросим, – и выбросил.

Рима от обиды зарыдала.

– Чего его жалеть-то, скелета-то, – сказала ей Вовка-дурак. – Не плакай, уж, Рим, – и, зло смотря на Тимофеича и скалясь во всё своё морщинистое лицо, погладил девочку по голове. Потом поднял один из её камней и бросил в гроб, который уже погрузили на полуторку.

– Детки, ну-ка быстро на урок! – закричала подбегающая пожилая учительница, – Бегом в школу!

Дети не пошли.

– Что ж вы делаете-ка, нехристи! – заголосила она то ли на детей, то ли на взрослых. – Креста на вас нет, уже проклятие кликаете на себя. Шутки шутите? – то грозилась пальцем, то почему-то к удивлению всех, крестилась. – С этим не шутят! Мало того что позакрывали церкви, да ещё кощунствуют. Но камень, который отвергли, делается главою угла, – и начала ворчать что-то невпопад про загробный мир, про ад и чертей, про Бога и Православную церковь.

– Хватит, тётка, орать на ветеранов Отечественной войны! – рявкнул на неё капитан, – Чему детей учишь!

Учительница как опомнилась, взяла двоих детей за руку и повела к школе.

– А мы тоже такие будем? – спросила у неё Рима, когда они уже подходили к школе.

– Нет, Рима, мы, вы такие не будете, – ответила девочке.

– Это только буржуи такие бывают страшные, потому что рабочий класс угнетали, – утвердила Рима. – А какие мы будем, когда умрём? – спросила она.

Учительница ничего не ответила на это.

– Красивше, конечно, – сама ответила девочка. – Но всё равно нас закопают, и никто красоту нашу не увидит.

– Не красивше, а красивее, – поправила учительница. – Отстань, Рим! – крикнула на неё. – Все умрут, никого не останется на Земле. А потом, потом, – замялась она, – все воскреснут, кто – для вечной жизни, а кто в погибель, – почему-то непедagogично и шёпотом сказала.

Грузовик завёлся, и капитан, наскоро докурив папиросу, сел в кабину. Полуторка поехала. Капитан достал медальон, открыл, и его взору на одной половинке предстал маленький портрет молодой красивой женщины с зачёсанными назад в хвостик волосами. На другой половинке медальона была золотая гравировка: «Деду И. Баташову оть внучки Дарии»

Капитан что-то зло пробурчал, высунул в окно кабины руку с медальоном и выкинул его в пруд.

– Серебро – не золото, – сказал шофёру. – Чёрт, а! Не густо! Ну что за люди были, золотишка в гроб не положили, а ещё эксплуататоры. Сколько времени потерял на этого покойника, лучше бы к зазнобе сходил.

– Куда? – спокойно спросил солдат за рулём.

– А? – не понял сначала капитан. – А на закрытое кладбище рядом с тринадцатым детским садом, то есть с бывшей малой церковью, то есть... в общем, ты понял, – сказал он шофёру. – Закопаем там втихую барина. А после за картошкой поедем. Начнём на эту зиму, на вечную русскую зиму запасы делать.